

Сколько хлопот у нас с Мишкой было перед Новым годом! Мы уже давно готовились к празднику: клеили бумажные цепи на ёлку, вырезали флажки, делали разные ёлочные украшения. Всё было бы хорошо, но тут Мишка достал где-то книгу «Занимательная химия» и вычитал в ней, как самому сделать бенгальские огни.

С этого и началась кутерьма! По целым дням он толк в ступе серу и сахар, делал алюминиевые опилки и поджигал смесь на пробу. По всему дому шёл дым и воняло удушливыми газами. Соседи сердились, и никаких бенгальских огней не получалось.

Но Мишка не унывал. Он позвал к себе на ёлку даже многих ребят из нашего класса и хвастал, что у него будут бенгальские огни.

– Они знаете какие! – говорил он. – Они сверкают, как серебро, и рассыпаются во все стороны огненными брызгами. Я говорю Мишке:

– Что же ты наделал? Позвал ребят, а никаких бенгальских огней не будет.

– Почему не будет? Будет! Ещё времени много. Всё успею сделать.

Накануне Нового года он приходит ко мне и говорит:

– Слушай, пора нам за ёлками ехать, а то останемся мы на праздник без ёлок.

– Сегодня уже поздно, – ответил я. – Завтра поедем. – Так ведь завтра уже украшать ёлку надо.

– Ничего, – говорю я. – Украшать надо вечером, а мы поедем днём, сейчас же после школы.

Мы с Мишкой уже давно решили поехать за ёлками в Горелкино, где мы жили у тёти Наташи на даче. Тёти Наташин муж работал лесничим и ещё летом сказал, чтобы мы приезжали к нему в лес за ёлками. Я даже заранее упросил маму, чтоб она разрешила мне в лес поехать.

На другой день я прихожу к Мишке после обеда, а он сидит и толчёт бенгальские огни в ступе.

– Что ж ты, – говорю, – не мог раньше сделать? Ехать пора, а ты возишься!

– Да я делал и раньше, только, наверно, мало серы клал. Они шипят, дымят, а гореть не горят.

– Ну и брось, всё равно ничего не выйдет.

– Нет, теперь, наверно, выйдет. Надо только побольше серы класть. Дай-ка мне алюминиевую кастрюлю, вон на подоконнике.

– Где же кастрюля? Тут только сковородка, – говорю я.

– Сковородка?.. Эх, ты! Да это и есть бывшая кастрюля. Давай её сюда.

Я передал ему сковородку, и он принялся скоблить её по краям напильником.

– Это у тебя, значит, кастрюля в сковородку превратилась? – спрашиваю я.

– Ну да, – говорит Мишка. – Я её пилил напильником, пилил, вот она и сделалась сковородкой. Ну ничего, сковородка тоже нужна в хозяйстве.

– Что же тебе мама сказала?

– Ничего не сказала. Она ещё не видела.

– А когда увидит?

– Ну что ж... Увидит так увидит. Я, когда вырасту, новую кастрюлю ей куплю.

– Это долго ждать, пока ты вырастешь!

– Ничего.

Мишка наскоблил опилок, высыпал порошок из ступки, налил клею, размешал всё это, так что у него получилось тесто вроде замазки. Из этой замазки он наделал длинных колбасок, наvertsел их на железные проволочки и разложил на фанерке сушиться.

– Ну вот, – говорит, – высохнут – и будут готовы, только надо от Дружка спрятать.

– Зачем от него прятать?

– Слопает.

- Как – слопают? Разве собаки бенгальские огни едят?
- Не знаю. Другие, может быть, и не едят, а Дружок ест. Один раз я оставил их сохнуть, вхожу – а он их грызёт. Наверно, думал, что это конфеты.
- Ну, спрячь их в печь. Там тепло, и Дружок не достанет.
- В печку тоже нельзя. Один раз я их спрятал в печь, а мама пришла и затопила – они и сгорели. Я их лучше на шкаф положу, – говорит Мишка.
- Мишка взобрался на стул и положил фанерку на шкаф.
- Ты ведь знаешь, какой Дружок, – говорит Мишка. – Он всегда мои вещи хватает! Помнишь, он затащил мой левый ботинок, так что мы его нигде найти не могли. Пришлось мне тогда три дня ходить в валенках, пока другие ботинки не купили. На дворе теплынь, а я хожу в валенках, как будто обмороженный! А потом уже, когда купили другие ботинки, мы этот ботинок, который один остался, выбросили, потому что кому он нужен – один ботинок! А когда его выбросили, отыскался тот ботинок, который потерялся. Оказалось – его Дружок затащил на кухню под печь. Ну, мы и этот ботинок выбросили, потому что если б первый не выбросили, то и второй бы не выбросили, а раз первый выбросили, то и второй выбросили. Так оба и выбросили. Я говорю:
- Довольно тебе болтать! Одевайся скорее, ехать надо. Мишка оделся, мы взяли топор и помчались на вокзал. А тут поезд как раз ушёл, так что пришлось нам дожидаться другого. Ну ничего, дождалось, поехали. Ехали, ехали, наконец приехали. Слезли в Горелкине и пошли прямо к лесничему. Он дал нам квитанцию на две ёлки, показал делянку, где разрешалось рубить, и мы пошли в лес. Елок кругом много, только Мишке они все не нравились.
- Я такой человек, – хвалился он, – уж если поехал в лес, то срублю самую лучшую ёлку, а то и ездить не стоит. Забрались мы в самую чащу.
- Надо рубить поскорей, – говорю я. – Скоро и темнеть начнёт.
- Что ж рубить, когда нечего рубить!
- Да вот, – говорю, – хорошая ёлка.
- Мишка осмотрел ёлку со всех сторон и говорит:
- Она, конечно, хорошая, только не совсем. По правде сказать, совсем нехорошая: куцая.
- Как это – куцая?
- Верхушка у неё короткая. Мне такой ёлки и даром не надо!
- Нашли мы другую ёлку.
- А эта хромая, – говорит Мишка.
- Как – хромая? – Так, хромая. Видишь, у неё нога внизу закривляется.
- Какая нога?
- Ну, ствол.
- Ствол! Так бы и говорил! Нашли мы ещё одну ёлку.
- Лысая, – говорит Мишка.
- Сам ты лысый! Как это ёлка может быть лысая?
- Конечно, лысая! Видишь, какая она реденькая, вся просвечивает. Один ствол виден. Просто не ёлка, а палка!
- И так всё время: то лысая, то хромая, то ещё какая-нибудь!
- Ну, – говорю, – тебя слушать – до ночи ёлки не срубишь!
- Нашёл себе подходящую ёлочку, срубил и отдал топор Мишке:
- Руби поскорей, нам домой ехать пора.
- А он словно весь лес взялся обыскать. Уж я и просил его и бранил – ничего не помогало. Наконец он нашёл ёлку по своему вкусу, срубил, и мы пошли обратно на станцию. Шли, шли, а лес всё не кончается.
- Может, мы не в ту сторону идём? – говорит Мишка. Пошли мы в другую сторону. Шли, шли – всё лес да лес! Тут и темнеть начало. Мы давай сворачивать то в одну сторону, то в другую. Запутались совсем.
- Вот видишь, – говорю, – что ты наделал!

- Что же я наделал? Я ведь не виноват, что так скоро наступил вечер.
- А сколько ты ёлку выбирал? А дома сколько возился? Вот придётся из-за тебя в лесу ночевать!
- Что ты! – испугался Мишка. – Ведь ребята сегодня придут. Надо искать дорогу.
- Скоро стемнело совсем. На небе засверкала луна. Чёрные стволы деревьев стояли, как великаны, вокруг. За каждым деревом нам чудились волки. Мы остановились и боялись идти вперёд.
- Давай кричать! – говорит Мишка. Тут мы как закричим вместе:
- Ау!
- «Ау!» – ответило эхо.
- Ау! Ау-у! – закричали мы снова что было силы. «Ау! Ау-у!» – повторило эхо.
- Может быть, нам лучше не кричать? – говорит Мишка.
- Почему?
- Ещё волки услышат и прибегут.
- Тут, наверно, никаких волков нет.
- А вдруг есть! Лучше пойдём скорее. Я говорю:
- Давай прямо идти, а то мы никак на дорогу не выберемся.
- Пошли мы снова. Мишка всё оглядывался и спрашивал:
- А что делать, когда нападают волки, если ружья нет?
- Бросать в них горящие головешки, – говорю я.
- А где их брать, эти головешки?
- Развести костёр – вот тебе и головешки.
- А у тебя есть спички?
- Нету.
- А они на дерево могут влезть?
- Кто?
- Да волки.
- Волки? Нет, не могут.
- Тогда, если на нас нападут волки, мы залезем на дерево и будем сидеть до утра.
- Что ты! Разве просидишь на дереве до утра!
- Почему не просидишь?
- Замёрзнешь и свалишься.
- Почему замёрзнешь? Нам ведь не холодно.
- Нам не холодно, потому что мы двигаемся, а попробуй посиди на дереве без движения – сразу замёрзнешь.
- А зачем сидеть без движения? – говорит Мишка. – Можно сидеть и ногами дрыгать.
- Это устанешь – целую ночь на дереве ногами дрыгать! Мы продирались сквозь густые кустарники, спотыкались о пни, тонули по колено в снегу. Идти становилось трудней и трудней. Мы очень устали.
- Давай бросим ёлки! – говорю я.
- Жалко, – говорит Мишка. – Ко мне ребята сегодня придут. Как же я без ёлки буду?
- Тут нам бы самим, – говорю, – выбраться! Чего ещё о ёлках думать!
- Постой, – говорит Мишка. – Надо одному вперёд идти и протапывать дорогу, тогда другому будет легче. Будем меняться по очереди.
- Мы остановились, передохнули. Потом Мишка впереди пошёл, а я за ним следом. Шли, шли... Я остановился, чтоб переложить ёлку на другое плечо. Хотел идти дальше, смотрю – нет Мишки! Исчез, словно провалился под землю вместе со своей ёлкой. Я кричу:
- Мишка!
- А он не отвечает.
- Мишка! Эй! Куда же ты делся?
- Нет ответа.
- Я пошёл осторожно вперёд, смотрю – а там обрыв! Я чуть не свалился с обрыва. Вижу – внизу

шевелится что-то тёмное.

– Эй! Это ты, Мишка?

– Я! Я, кажется, с горы скатился!

– Почему же ты не отвечаешь? Я тут кричу, кричу...

– Ответишь тут, когда я ногу ушиб! Я спустился к нему, а там дорога. Мишка сидит посреди дороги и коленку руками трёт.

– Что с тобой?

– Коленку ушиб. Нога, понимаешь, подвернулась.

– Больно?

– Больно! Я посижу.

– Ну, давай посидим, – говорю я. Уселись мы с ним на снегу. Сидели, сидели, пока нас не пробрал холод. Я говорю:

– Тут и замёрзнуть можно! Может быть, пойдём по дороге? Она нас куда-нибудь выведет: или на станцию, или к лесничему, или в деревню какую-нибудь. Не замерзать же в лесу!

Мишка хотел встать, но тут же заохал и опять сел.

– Не могу, – говорит.

– Что же теперь делать? Давай я понесу тебя на закорках, – говорю я.

– Да разве ты донесёшь?

– Давай попробую.

Мишка поднялся и начал взбираться ко мне на спину. Кряхтел, кряхтел, насилу залез. Тяжёлый! Я согнулся в три погибели.

– Ну, неси! – говорит Мишка.

Только прошёл я несколько шагов, поскользнулся – и бух в снег.

– Ай! – заорал Мишка. – У меня нога болит, а ты меня в снег кидаешь!

– Я же не нарочно!

– Не брался бы, если не можешь!

– Горе мне с тобой! – говорю я. – То ты с бенгальскими огнями возился, то ёлку до самой темноты выбирал, а теперь вот зашибся... Пропадёшь тут с тобой! – Можешь не пропадать!..

– Как же не пропадать?

– Иди один. Это всё я виноват. Я уговорил тебя за ёлками ехать.

– Что же, я тебя бросить должен?

– Ну и что ж? Я и один дойду. Посижу, нога пройдёт – я и пойду.

– Да ну тебя! Никуда я без тебя не пойду. Вместе приехали, вместе и вернуться должны. Надо придумать что-нибудь.

– Что же ты придумаешь?

– Может быть, санки сделать? У нас топор

– Как же ты из топора санки сделаешь?

– Да не из топора, голова! Срубить дерево, а из дерева – санки.

– Всё равно гвоздей нет.

– Надо подумать, – говорю я.

И стал думать. А Мишка всё на снегу сидит. Я подтащил к нему ёлку и говорю:

– Ты лучше на ёлку сядь, а то простудишься.

Он уселся на ёлку. Тут мне пришла в голову мысль.

– Мишка, – говорю я, – а что, если тебя повезти на ёлке?

– Как – на ёлке?

– А вот так: ты сиди, а я буду за ствол тащить. Ну-ка, держись!

Я схватил ёлку за ствол и потащил. Вот как ловко придумал! Снег на дороге твёрдый, укатанный, ёлка по нему легко идёт, а Мишка на ней – как на санках!

– Замечательно! – говорю я. – На-ка, держи топор. Отдал ему топор. Мишка уселся поудобнее, и я повёз его по дороге. Скоро мы выбрались на опушку леса и сразу увидели огоньки.

– Мишка! – говорю. – Станция! Издали уже слышался шум поезда.

– Скорей! – говорит Мишка. – Опоздаем на поезд! Я припустился изо всех сил. Мишка кричит:

– Ещё поднажми! Опоздаем!

Поезд уже подъезжал к станции. Тут и мы подоспели. Подбегаем к вагону. Я посадил Мишку. Поезд тронулся, я вскочил на подножку и ёлку за собой втащил. Пассажиры в вагоне стали бранить нас за то, что ёлка колючая.

Кто-то спросил:

– Где вы взяли такую ободранную ёлку?

Мы стали рассказывать, что с нами в лесу случилось. Тогда все стали жалеть нас. Одна тётя усадила Мишку на скамейку, сняла с него валенок и осмотрела ногу.

– Ничего страшного нет, – сказала она. – Просто ушиб.

– А я думал, что ногу сломал, так она у меня болела, – говорит Мишка. Кто-то сказал:

– Ничего, до свадьбы заживёт!

Все засмеялись. Одна тётя дала нам по пирогу, а другая – конфет. Мы обрадовались, потому что очень проголодались.

– Что же мы теперь будем делать? – говорю я. – У нас на двоих одна ёлка.

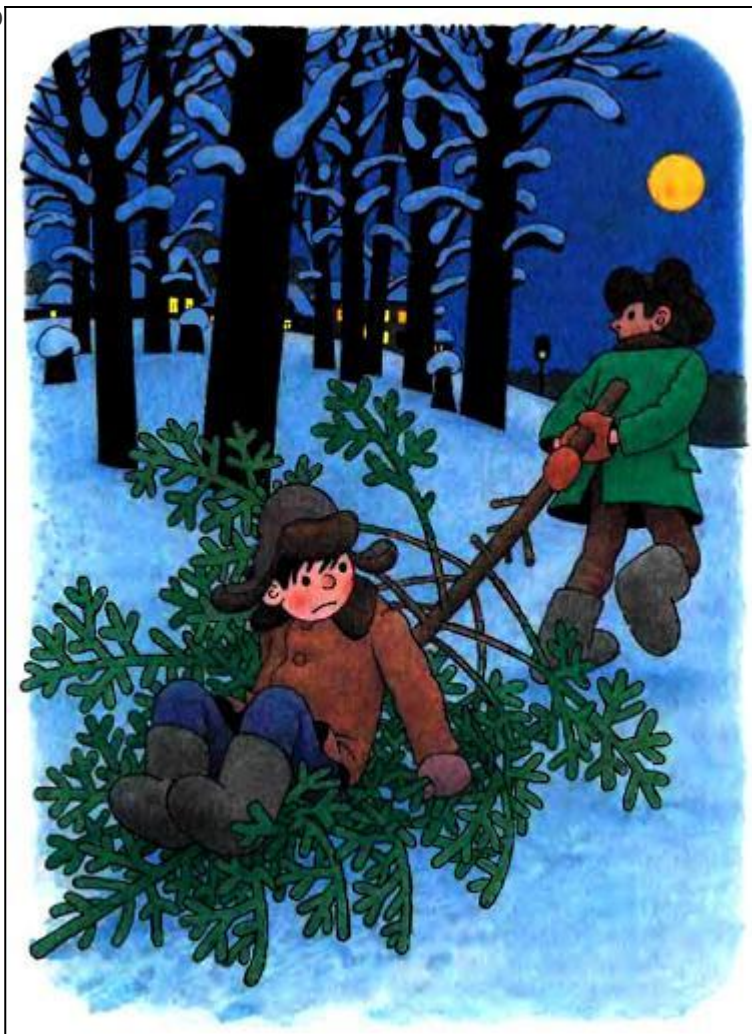
– Отдай её на сегодня мне, – говорит Мишка, – и дело с концом.

– Как это – с концом? Я её тащил через весь лес да ещё тебя на ней вёз, а теперь сам без ёлки останусь?

– Так ты мне её только на сегодня дай, а завтра я тебе возвращу обратно.

– Хорошенькое, – говорю, – дело! У всех ребят праздник, а у меня даже ёлки не будет!

– Ну ты пойми, – говорит Мишка, – ко мне ребята сегодня придут! Что я буду без ёлки делать?

- Ну, покажешь им свои бенгальские огни. Что, ребята ёлки не видели?
- Так бенгальские огни, наверно, не будут гореть. Я их уже двадцать раз делал – ничего не получается. Один дым, да и только!
- А может быть, получится?
- Нет, я и вспоминать про это не буду. Может, ребята уже забыли.
- Ну нет, не забыли! Не надо было заранее хвастаться.
- Если б у меня ёлка была, – говорит Мишка, – я бы про бенгальские огни что-нибудь сочинил и как-нибудь выкрутился, а теперь просто не знаю, что делать.
- Нет, – говорю, – не могу я тебе ёлку отдать. У меня ещё ни в одном году так не было, чтоб ёлки не было.
- Ну будь другом, выручи! Ты меня уже не раз выручал!
- Что же, я тебя всегда выручать должен?
- «Ну, в последний раз! Я тебе что хочешь за это дам. Возьми мои лыжи, коньки, волшебный фонарь, альбом с марками. Ты ведь сам знаешь, что у меня есть. Выбирай что угодно.
- Хорошо, – сказал я. – Если так, отдай мне своего Дружка.
- Мишка задумался. Он отвернулся и долго молчал. Потом посмотрел на меня – глаза у него были печальные – и сказал:
- Нет, Дружка я не могу отдать.
- Ну вот! Говорил «что угодно», а теперь...
- Я забыл про Дружка... Я, когда говорил, думал про вещи. А Дружок ведь не вещь, он живой.
- Ну и что ж? Простая собака! Если б он хоть породистый был.
- Он же не виноват, что он не породистый! Всё равно он любит меня. Когда меня нет дома, он думает обо мне, а когда я прихожу, радуется и машет хвостом... Нет, пусть будет что будет! Пусть ребята смеются надо мной, а с Дружком я не расстанусь, даже если бы ты мне дал целую гору золота!
- Ну ладно, – говорю я, – бери тогда ёлку даром.
- Зачем даром? Раз я обещал любую вещь, так и бери любую вещь. Хочешь, я тебе дам волшебный фонарь со всеми картинками? Ты ведь очень хотел, чтоб у тебя был волшебный фонарь.
- Нет, не надо мне волшебного фонаря. Бери так.
- Ты ведь столько трудился из-за ёлки – зачем отдавать даром?
- Ну и пусть! Мне ничего не надо.
- Ну, и мне даром не надо, – говорит Мишка.
- Так это ведь не совсем даром, – говорю я. – Просто так, ради дружбы. Дружба ведь дороже волшебного фонаря! Пусть это будет наша общая ёлка.
- Пока мы разговаривали, поезд подошёл к станции. Мы и не заметили, как доехали. У Мишки нога совсем перестала болеть. Он только немного прихрамывал, когда мы сошли с поезда.
- Я сначала забежал домой, чтоб мама не беспокоилась, а потом помчался к Мишке – украшать нашу общую ёлку.
- Ёлка уже стояла посреди комнаты, и Мишка заклеивал ободранные места зелёной бумагой. Мы ещё не кончили украшать ёлку, как стали собираться ребята.
- Что же ты, позвал на ёлку, а сам даже не украсил её! – обиделись они.
- Мы стали рассказывать про наши приключения, а Мишка даже приврал, будто на нас напали в лесу волки и мы от них спрятались на дерево. Ребята не поверили и стали смеяться над нами. Мишка сначала уверял их, а потом махнул рукой и сам стал смеяться. Мишкины мама и папа пошли встречать Новый год к соседям, а для нас мама приготовила большой круглый пирог с вареньем и других разных вкусных вещей, чтоб мы тоже могли хорошо встретить Новый год.
- Мы остались одни в комнате. Ребята никого не стеснялись и чуть ли не на головах ходили. Никогда я не слышал такого шума! А Мишка шумел больше всех. Ну, я-то понимал, почему он так разошёлся. Он старался, чтоб кто-нибудь из ребят не вспомнил про бенгальские огни, и выдумывал всё новые и новые фокусы.

Потом мы зажгли на ёлке разноцветные электрические лампочки, и тут вдруг часы начали бить двенадцать часов.

– Ура! – закричал Мишка. – С Новым годом!

– Ура! – подхватили ребята. – С Новым годом! Ур-а-а! Мишка уже считал, что всё кончилось благополучно, и закричал:

– А теперь садитесь за стол, ребята, будет чай с пирогом!

– А бенгальские огни где же? – закричал кто-то. – Бенгальские огни? – растерялся Мишка. – Они ещё не готовы.

– Что же ты, позвал на ёлку, говорил, что бенгальские огни будут... Это обман!

– Честное слово, ребята, никакого обмана нет! Бенгальские огни есть, только они ещё сырые...

– Ну-ка, покажи. Может быть, они уже высохли. А может, никаких бенгальских огней нету?

Мишка нехотя полез на шкаф и чуть не свалился оттуда вместе с колбасками. Они уже высохли и превратились в твёрдые палочки.

– Ну вот! – закричали ребята. – Совсем сухие! Что ты обманываешь!

– Это только так кажется, – оправдывался Мишка. – Им ещё долго сохнуть надо. Они не будут гореть.

– А вот мы сейчас посмотрим! – закричали ребята. Они расхватили все палочки, загнули проволочки крючочками и развесили их на ёлке.

– Пойдите, ребята, – кричал Мишка, – надо проверить сначала!

Но его никто не слушал.

Ребята взяли спички и подожгли все бенгальские огни сразу.

Тут раздалось шипение, будто вся комната наполнилась змеями. Ребята шархнулись в стороны. Вдруг бенгальские огни вспыхнули, засверкали и рассыпались кругом огненными брызгами. Это был фейерверк! Нет, какой там фейерверк – северное сияние! Извержение вулкана! Вся ёлка сияла и сыпала вокруг серебром. Мы стояли как зачарованные и смотрели во все глаза.

Наконец огни догорели, и вся комната наполнилась каким-то едким, удушливым дымом. Ребята стали чихать, кашлять, тереть руками глаза. Мы все гурьбой бросились в коридор, но дым из комнаты повалил за нами. Тогда ребята стали хватать свои пальто и шапки и начали расходиться.

– Ребята, а чай с пирогом? – надрывался Мишка. Но никто не обращал на него внимания. Ребята кашляли, одевались и расходились. Мишка вцепился в меня, отнял мою шапку и закричал:

– Не уходи хоть ты! Остайся хоть ради дружбы! Будем пить чай с пирогом!

Мы с Мишкой остались одни. Дым понемногу рассеялся, но в комнату всё равно нельзя было войти. Тогда Мишка завязал рот мокрым платком, подбежал к пирогу, схватил его и притащил в кухню.

Чайник уже вскипел, и мы стали пить чай с пирогом. Пирог был вкусный, с вареньем, только он всё-таки пропитался дымом от бенгальских огней. Но это ничего. Мы с Мишкой съели пол-пирога, а другую половину доел Дружок.

